

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-592-598

EDN ЕККРАФ

Оригинальное исследование

Переписка Павлина Ноланского и Августина Блаженного: к историографии вопроса

Литовченко Е.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

Научно-исследовательский институт «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья»,
Севастопольский государственный университет,

Россия, 299028, Севастополь, проспект Юрия Гагарина, д. 13

E-mail: litovchenko@bsuedu.ru

Аннотация. Собрания писем христианских апологетов периода поздней античности выступают важными источниками, отражающими их взгляды, отношение к происходящим событиям, и по этой причине не раз становились предметом исследования историков. Цель настоящего исследования состоит в анализе ряда работ, непосредственным образом посвященных переписке между епископом Гиппона Августином и епископом Нолы Павлином, интерес к которой не угасает в течение долгого времени. Подобное внимание связано с дискуссионными аспектами коммуникации двух христиан, связанными с определением соотношения «классического» и «христианского» понимания дружбы в их письмах. Ученые обсуждают значимость вклада обоих позднеантичных эпистолографов в распространение и утверждение христианской мысли и образа жизни; взаимовлияние этих представителей «золотого века патристики» и их эпистолярные роли. В целом по первому аспекту речь идет о той или иной степени сохранения «классической» модели дружбы, и в большинстве своем исследователи склоняются к оценке их дружеских связей через призму христианской любви («*caritas*»). По остальным обозначенным проблемам историки придерживаются схожих взглядов, расходясь в оценке эпистолярных ролей Августина и Павлина, поэтому данный вопрос в историографии пока остается открытым.

Ключевые слова: корреспонденция, Павлин Ноланский, Августин Блаженный, Поздняя Античность, историография

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

Для цитирования: Литовченко Е.В. 2025. Переписка Павлина Ноланского и Августина Блаженного: к историографии вопроса. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 592–598. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-592-598. EDN: ЕККРАФ

Correspondence between St. Paulinus and St. Augustine: Historiography of the Issue

Elena V. Litovchenko

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia;

Research Institute “Institute of History and Archaeology of Byzantium and Black Sea Region”,

Sevastopol State University,

13 Yuriy Gagarin Ave., Sevastopol 299028, Russia

Email: litovchenko@bsuedu.ru

Abstract. Letter collections of Late Antique Christian apologists are important sources reflecting their views and attitudes to contemporary events. For this reason, they have repeatedly become the subject of research by historians. The purpose of this study is to analyze a number of works directly devoted to the correspondence between Augustine, Bishop of Hippo, and Paulinus, Bishop of Nola. Interest in this topic has not faded over a long period. Such attention is connected with the controversial aspects of communication between the two Christians, associated with determining the relationship between the "classical" and "Christian" understanding of friendship in their letters. Scholars discuss the significance of the contribution of both Late Antique epistolographers to the dissemination and affirmation of Christian thought and way of life; the mutual influence of these representatives of the "golden age of patristics", and their epistolary roles. In terms of the first aspect, degrees of preservation of the "classical" friendship model are discussed. Researchers are mostly inclined to assess their friendly ties through the prism of Christian love ("caritas"). As for the other issues identified, historians hold similar views, differing in their assessment of the epistolary roles of Augustine and Paulinus, so this issue remains open in historiography.

Keywords: ethos, clergy, bishops, letter collections, Late Antiquity

Funding: The research was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University "A Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in the period of late Antiquity and the Middle Ages" (project No. FEFM-25-0002).

For citation: Litovchenko E.V. 2025. Correspondence between St. Paulinus and St. Augustine: Historiography of the Issue. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 592–598 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-592-598. EDN: EKKPAF

Введение

Источники личного происхождения, в качестве которых, в частности, выступает корреспонденция, обладают большим потенциалом с точки зрения исследователя специфики исторического периода, поскольку отражают сложившиеся в обществе архетипы, позволяют проанализировать чувства, переживания и оценки свидетелей определенной эпохи, почувствовать ее «атмосферу». Интеллектуальная традиция Поздней античности как транзитивного этапа общественного развития претерпела определенные изменения: почти невостребованными становятся крупные формы литературной деятельности, популярность приобретают так называемые малые жанры, в том числе эпистолярный. Переписка давала возможность не только проявить свое дарование в риторической сфере, но и служила основным средством коммуникации и распространения сочинений авторов сборников писем. Для христиан эпистолярная деятельность была благодатным полем для утверждения христианских ценностей, моделей поведения, обмена мнениями по экзегетическим, богословским и дисциплинарным вопросам. Епископы Нолы и Гиппона, Павлин и Августин, не знали друг друга лично, общались посредством писем, но нашли друг в друге единомышленников и соратников по вере. Их корреспонденция не раз становилась предметом исследования ученых, интересовавшихся позициями двух апологетов Церкви, которые они занимали в эпистолярной коммуникации. Цель настоящего исследования состоит в анализе

ряда работ, непосредственным образом посвященных переписке между Августином и Павлином. Настоящее исследование, безусловно, не претендует на всеобъемлющий обзор, в рамках одной статьи это сделать невозможно, поэтому акцент сделан на наиболее цитируемых из них, а также вышедших в недалеком прошлом.

Объект и методы исследования

Основными источниками трудов историков XX–XXI вв. выступают письма Павлина Ноланского (ок. 353–431 гг.) и Августина Гиппонского (354–430 гг.). Из их переписки становится понятно, что не все их послания сохранились, однако историческая наука располагает сегодня дюжиной писем, на основании которых можно делать определенные выводы о характере дружбы между двумя епископами. Объектом нашего исследования, таким образом, стали труды зарубежных авторов на интересующую нас тему, опубликованные в период с 1949 по 2025 гг. Методологической основой исследования выступает интеллектуальная история, понимаемая здесь как интеллектуальное производство в самом широком смысле с акцентом на структурировании интеллектуальной среды и способах её функционирования.

Результаты и их обсуждение

Исследователи уделяют внимание и фигуре Августина как епископа, богослова и Отца Церкви и Павлина как христианского поэта, церковного иерарха и эпистолографа; оба позднеантичных интеллектуала зачастую представлены в историографии как феномены, пережившие кризис идентичности с трансформацией сознания от язычески ориентированного к ревностно христианскому, при этом специфика историографии вопроса заключается в явном перекосе внимания исследователей к фигуре Августина, признанного авторитета западного христианства и автора большого числа трактатов, проповедей и обширной коллекции писем. Павлин Ноланский на его фоне в историографическом фокусе выглядит значительно скромнее и в силу распространения его влияния на население Поздней Римской империи, и в силу значимости его трудов – стихотворений и коллекции писем, от которой сохранилось 51 послание. Среди всего массива научной литературы нас в данном случае интересуют работы, в которых непосредственно затрагиваются аспекты взаимоотношений двух епископов в контексте эпистолярной практики.

Представляется целесообразным начать краткий обзор историографии с наиболее раннего исследования Пьера Фабра о «христианской дружбе» в сравнении с дружбой в «классическом» понимании на материале посланий Павлина Ноланского [Fabre, 1949, p. 30–98]. Автор заключает, что Павлин страдал не столько от антагонизма между языческой культурой и христианским учением, сколько от разрыва со многими друзьями, ставшего закономерным следствием его перехода в христианство и отказа от светской карьеры. Об этом убедительно свидетельствует его конфликт с учителем риторики и другом Авсонием, который, хотя и принял христианство, но совершенно формально, отдавая дань позиции официальных властей. Именно эту потерю Павлин, по мнению Фабра, стремился компенсировать «либо поиском новых дружеских связей, либо горячим обращением к тем, кого он мог бы сохранить» [Ibid., p. 388]. Фабр однозначно считает, что Августин является «хозяином мысли» Павлина, питавшего к нему самое живое восхищение [Ibid., p. 240], отдавая приоритет в эпистолярных ролях, таким образом, Августину. Относительно же оппозиции дружбы в классическом понимании и христианской «caritas» Фабр утверждает, что Павлин вовсе отказался от «цицероновой amicitia». Этот последний тезис не только был подвергнут сомнению, но и доказательно опровергнут Каролин Уайт, указавшей, что использование концептов «amicitia» и «amicus» не было под запретом в христианских кругах в целом [White, 2002, p. 158–159] и в письмах Павлина в частности.

В работе Пьера Курселя [Courcelle, 1951, p. 253–300] по указаниям в сохранившихся текстах устанавливается приближенное к реальности количество писем, которыми обменялись Павлин и Августин. Автор считает, что всего посланий было 38⁹, из них

⁹ Зигрид Мрачек полагает, что всего было 21 послание [Mratschek, 2002, с. 272].

сохранилось 12 (и одно от Алипия). Французский исследователь интересуется эволюцией дружбы между двумя христианами и приходит к выводу, что за четверть века их дружбе пришлось преодолеть два серьезных кризиса: первый в 398–399 гг., когда Августин был вынужден написать три письма подряд, одно настойчивее другого, чтобы наконец получить более двух лет спустя ответ от Павлина. Причиной охлаждения отношений, по мнению автора, было распространившееся в кафолических кругах опасение, что Августин остался тайным манихеем, несмотря на обретение кафедры [Courcelle, 1951, p. 299]. Двадцать лет спустя, в 417 г., пелагианский конфликт, в свою очередь, мог разделить двух товарищей. Видимо, большая приверженность христианской практике, нежели теории, делала Павлина менее разборчивым в выборе друзей: он имел теплые отношения и с Руфином Аквилейским, и с Пелагием. В итоге подвижник из Нолы порвал со св. Иеронимом из-за дружбы с Руфином, но, очевидно, пожертвовал своей дружбой с Пелагием из-за вероучительных рассуждений Августина и согласился отлучить от Церкви пелагиан, проживавших в его епархии, после чего связи между епископами Нолы и Гиппона только укрепились [Mratschek, 2002, p. 300].

Джозеф Лингард уверен, что христианская дружба вообще начинается именно с эпистолярных отношений Павлина и Августина: «Христианские размышления о дружбе начались уже в третьем веке, но только в конце четвертого появилось отчетливо христианское представление о дружбе – именно с Павлином и Августином» [Lienhard, 1990, p. 279–296, здесь p. 279]. Павлина Ноланского ученый воспринял как типичного аскета эпохи, уступающего всё же гению Августина или учености Иеронима [Lienhard, 1976, p. 35–45].

В просопографическом исследовании Ф. Моргенштерна основное внимание уделяется письмам Августина, адресаты которых прямо указаны в письме как «amicus» или могут быть идентифицированы как таковые с помощью других доказательств [Morgenstern, 1993]. В статье Д. Констана, который дает краткий обзор нюансов христианской дружбы, проводится заслуживающая внимания мысль о том, что в письмах Павлина, как и других христианских авторов, особые связи между людьми заменяются в более широком смысле согласием среди христиан в целом [Konstan, 1996, p. 87–113, здесь 113], поскольку принятие позиции смирения вместо равенства по отношению к другу было одним из маркеров, отличавших христианскую дружбу от классической [Ibid., p. 100]; по сути, это и есть трансформация «amicitia» в «caritas».

В монографическом исследовании Денниса Траута [Trout, 1999] акцентируется связь между появлением автобиографической «Исповеди» и трактата «О попечении в отношении усопших» епископа Гиппона, с одной стороны, и эпистолярными диалогами Павлина и Августина, вдохновившими последнего на написание указанных трудов, – с другой. Автор утверждает, что Августин использовал историю Павлина как пример «аскетического благочестия» для нравоучений в адрес некоторых, нуждающихся в этом, адресатов. Для пущего эффекта отец Церкви даже создает «стилизованного» Павлина, который, «не колеблясь», сбрасывает с себя «гордость мира», чтобы взвалить «легкое иго Христа» [Ibid., p. 5], хотя сам Павлин, сравнивая свои метания с твердой позицией Сульпиция Севера, свидетельствует об эволюционности своего перехода от язычества к христианству (Paul. Nol. Ep. 5.4. P. 27.15–24). Заметим, что автор стремится показать обоюдовыгодное сотрудничество двух церковных иерархов, акцентируя вклад Павлина в дело распространения христианства.

Аргументация Кэтрин Конибер в некотором роде продолжает линию Траута, корректируя однозначный взгляд на превосходство Августина в этой эпистолярной дружбе. Она пишет о том, что интеллектуальное и духовное влияние Павлина на тех, кому он писал, значительно превосходит любые предыдущие оценки: например, на Августина оказало решающее влияние общее представление Павлина о христианской самости [Conybeare, 2000, p. 12]. Кроме того, письма св. Августина содержат повторяющиеся восторженные свидетельства святости Павлина; из них мы можем выбрать одно, прямо выражающее его восторг, – это рассказ о том, как первое письмо Павлина было принято монахами: «Я прочитал твои письма, истекающие молоком и медом ... и братья прочитали их, и они радуются неустанно и неизреченно столь обильным и превосходным дарам Божиим ... все, кто прочитал их, восхищены, ведь от них

исходит сладкий запах Христа» [Ibid., p. 2]. В подтверждение толерантного отношения Павлина к «amicitia», К. Конибер приводит его мысль о том, что христианская любовь (caritas) – это новая дружба (amicitia nova) [Ibid., p. 65], абсорбированная Божественным Духом.

В своем масштабном труде Зигрид Мрачек основывает концепцию пропаганды аскетических идеалов Павлина на просопографическом и социально-историческом анализе его переписки. Ценность эпистолярной деятельности Павлина, по мнению немецкой исследовательницы, заключается в его активном участии в формировании «литературных сетей» христианской элиты. Переписка Павлина является примером того, что возникновение христианских сетей и проникновение в географическую область от Палестины до побережья Атлантики сопровождалось новаторски новым типом и интенсивностью общения [Mratschek, 2014b, p. 543]. Сам Павлин определил свою переписку как «religiosissimum officium» в смысле взаимных обязательств и религиозных отношений среди друзей (Paul. Nol. Ep. 33.1). Именно его письма сыграли очень важную роль в качестве «символа статуса образованных христиан» [Mratschek, 2002, p. 444]. Пристальное внимание З. Мрачек уделяет также обсуждавшейся в переписке Августина и Павлина проблеме переезда Павлина Ноланского вместе с его монахами в Африку в первое десятилетие пятого века [Mratschek, 2014a, p. 545–561], который так и не состоялся из-за нежелания епископа покидать Нолу, где находилась усыпальница Св. Феликса.

В работе «Августин об опасностях дружбы» Тэймер Нэвер уделяет основное внимание Отцу Церкви, но затрагивает и вопрос отношения к дружбе епископа Нолы. Павлин, по мнению исследователя, не считал, что дружба играет значительную роль в христианской жизни, и предпочитал не использовать язык amicitia (т. е. классического понимания дружбы) для описания отношений, которые должны существовать между христианами. Павлин говорит, что призвание Божие отделило его от «дружбы плоти и крови» (Paul. Nol. Ep. 4.4, 11.3), и, по-видимому, оставляет термин amicitia в первую очередь (хотя и не исключительно) для мирской дружбы, которую он критикует как несовершенную и характеризующуюся лестью (Ep. 40.2). Для Павлина именно caritas (а не amicitia) объединяет членов Тела Христова (Ep. 4.1, 11.2). В отличие от amicitia, caritas, по-видимому, возникает не столько из спонтанной человеческой симпатии, сходства характеров или уважения к добродетели, сколько посредством Божественной воли (Ep. 13) [Nawar, 2015, p. 838]. Августин же видит опасность дружбы в классическом понимании в ее хрупкости, поскольку она не осиянна Божьей волей, а значит, тленна, как и все мирское. Классическая концепция о продолжении жизни в памяти друга, постулировавшаяся со времен Цицерона (Cic. Amic. 22–3), не близка Августину, и поэтому он показывает, насколько жалкой заменой такого рода бессмертия является истинному, которое можно обрести только в объятиях христианского Бога [Nawar, 2015, p. 850].

В статье Рафаэля Швиттера отмечается, что Августин регулярно использовал свои «письма дружбы» в дидактических и наставительно-паретических целях так, чтобы эпистолярные топосы обрамляли призывную функцию этих текстов, в которых Августин хотел передать своим адресатам как богословские ответы, так и христианские наставления для жизни [Schwitter, 2017, p. 55–72, здесь 59]. Лидерство в этой переписке Швиттер отдает Августину как теоретику и богослову.

Автор работы «Письма как школа христианской экзегезы. Исследование избранных раннехристианских латинских писем IV и V веков (Августин, Иероним и Павлин из Нолы)» М. Высоцкий называет христианство «религией письма», поскольку фактически с самого начала вера, а также доктринальные, моральные и дисциплинарные наставления передавались главным образом через письма (например, апостола Павла). В статье польского исследователя циркуляция христианской корреспонденции рассматривается как «виртуальная школа» библейской экзегезы. Автор статьи анализирует функционирование «школы»: от приглашения к участию, методов и учебной программы до похвалы, которую получали хорошие студенты [Wysocki, 2023, p. 339], на примере переписки Августина, Иеронима и Павлина. Аргументация выстраивается следующим образом: помимо систематического толкования Писания, которое присутствует практически в каждом патристическом послании, посредством цитирования

отрывков из Библии или использования их в качестве аргументов они формируют увлекательный подход к экзегезе, или, скорее, к её изучению [Ibid., p. 340], поэтому их письма создают своего рода школу и отношения между учеником и учителем [Ibid., p. 341]. Эта школа не имела географических границ, и любой, кто называл себя христианином, мог и должен был стать её частью [Ibid., p. 343]. Автором последовательно проводится мысль о том, что Павлин был одним из самых выдающихся учеников этой «эпистолярной экзегетической школы» и свою роль он определил сам, обращаясь с просьбами о разъяснении сложных для понимания мест Писания к Августину и Иерониму.

О неугасающем интересе к избранной нами тематике свидетельствует свежая публикация испанского исследователя Артуро Моралеса, посвященная анализу дружбы Августина и Павлина с целью выявления элементов преемственности и дисконтинуитета по отношению к классическому идеалу дружбы [Morales, 2025, p. 1–10; также см.: Morales, 2022], которая обобщает рассуждения на данную тематику, опубликованные в предшествующие десятилетия. Автор считает, что дружба между Августином и Павлином представляет собой уникальный синтез классического идеала и христианской духовности, достигающий своей полноты через верность общим религиозным и доктринальным принципам [Morales, 2025, p. 1]. Уникальность же заключается в посредничестве Бога как звена, объединяющего друзей, при этом дружеские узы христиан выражают определенную долю преемственности по отношению к классическому идеалу дружбы, но эпистолярные свидетельства Августина и Павлина показывают, что эта новая дружба постепенно отдаляется от классического содержания, добавляя определенные подходы и особые способы существования и понимания друзей¹⁰.

Заключение

Таким образом, ключевыми вопросами переписки епископов Нолы и Гиппона исследователи определяют соотношение «классического» и «христианского» понимания дружбы, в большинстве своем склоняясь к оценке их дружеских связей через призму христианской любви («caritas»); вклад обоих позднеантичных эпистолографов в распространение и утверждение христианской мысли и образа жизни; взаимовлияние этих выдающихся личностей и их эпистолярные роли. В целом если по первому аспекту речь идет только о той или иной степени сохранения «классической» модели дружбы, то по остальным обозначенным проблемам ученые придерживаются схожих взглядов, расходясь все же в оценке эпистолярных ролей Августина и Павлина, поэтому данный вопрос пока остается открытым.

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

References

- Augustinus Aurelius: Sancti Aurelii Augustini Opera. Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. 34, 44, 57–58. 1895–1923. Rec. Al. Goldbacher. Prague, Vindobonae, Lipsiae: F. Tempsky; G. Freytag.
- Conybeare C. 2000. Paulinus noster: Self and Symbol in the Letters of Paulinus of Nola, Oxford Early Christian Studies. Oxford: Clarendon Press, 200.
- Courcelle P. 1951. Les lacunes de la correspondance entre Saint Augustin et Paulin de Nole. In: *Revue des Études Anciennes*. 53(3–4): 253–300.
- Fabre P. 1949. Saint Paulin de Noie et l'amitié chrétienne. Paris: E. de Boccard, 396.
- Konstan D. 1996. Problems in the History of Christian Friendship. In: *Journal of Early Christian Studies*. 4(1): 87–113.

¹⁰ Павлин в первом письме, отправленном Августину, превозносит сущность христианской дружбы, постулируя милосердие Бога как источник друзей во Христе (Paul. Nol. Ep. 25.1).

- Lienhard J.T. 1990. Friendship in Paulinus of Nola and Augustine. In: *Collectanea Augustiniana: mélanges T.J. van Bavel*. B. Bruning, M. Lamberigts, J. Van Houtem (eds.). Vol. 40(1/4). Leuven: Leuven University Press, Peeters: 279–296.
- Lienhard J.T. 1976. Paulinus of Nola in the Literary Tradition. In: *Paradosis. Studies in Memory of Edwin A. Quain*. H.G. Fletcher and M.B. Schulte (eds.). New York: Fordham University Press: 35–45.
- Morales A.R. 2025. Agustín de Hipona y Paulino de Nola: amicitia y ortodoxia Augustine of Hippo and Paulinus of Nola: Amicitia and Orthodoxy. In: *European Public & Social Innovation Review*. Vol. 10: 1–10.
- Morales A.R. 2022. La recepción de la amistad grecorromana en el periodo tardoantiguo: El testimonio epistolar de san Agustín de Hipona y san Paulino de Nola. In: *Nuevas epistemologías de viejos sabers*. A. Chica, A. Tomás, D. Navas (eds.). Navarra: Aranzadi. (In Spanish).
- Morgenstern F. 1993. Die Briefpartner des Augustinus von Hippo. Prosopographische, sozial- und ideologiegeschichtliche Untersuchungen. Bochum: Universitätsverlag N. Brockmeyer, 390.
- Mratschek S. 2014a. Augustine, Paulinus, and the Question of Moving the Monastery: Dispute between Theologians or between Actors of History? In: *Inter cives necnon peregrinos. Essays in Honour of Boudewijn Sirks*. J. Hallebeek, M. Schermaier et al. (eds.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht: 545–561.
- Mratschek S. 2019. Crossing the Boundaries: Networks and Manifestations of Christian Hospitality. In: *Episcopal Networks in Late Antiquity. Arbeiten zur Kirchengeschichte*. Chr. Albrecht, Chr. Marksches (eds.). Vol. 137. Berlin: De Gruyter: 149–177.
- Mratschek S. 2002. Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen Intellektuellen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 732.
- Mratschek S. 2014b. Paulinus Nolanus. In: *Augustinus-Lexikon*. Vol. 4. Fasc. 3/4. Basel: Schwabe: 539–547.
- Nawar T. 2015. Augustine on the Dangers of Friendship. In: *The Classical Quarterly*. 65(2): 836–851.
- Pontius Meropius Anicius Paulinus episcopus Nolanus. Opera. 1894. W. Hartel (ed.) Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. V. XXIX. Pars. 1–2. Wien: F. Tempsky.
- Schwitter R. 2017. Litterae caritatis oder versteckte Lehrepisteln? Zur Appellfunktion des augustinischen Freund-schaftsbriefts. In: *Augustiniana*. 67(1–2): 55–72.
- Trout D.E. 1999. Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems. Berkeley: University of California Press, 326.
- White C. 2002. Christian Friendship in the Fourth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 292.
- Wysocki M. 2023. Letters as a School of the Christian Exegesis. A Study of the Selected Early Christian Latin Letters of the 4th and 5th Century (Augustine, Jerome, and Paulinus of Nola). In: *Verbum Vitae*. 41/2: 339–351.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.05.2025

Поступила после рецензирования 11.07.2025

Принята к публикации 14.07.2025

Received 13.05.2025

Revised 11.07.2025

Accepted 14.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литовченко Елена Викторовна, декан историко-филологического факультета, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; главный научный сотрудник, отдел истории Византии и Причерноморья, Научно-исследовательский институт «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

 [ORCID: 0000-0002-1203-6049](https://orcid.org/0000-0002-1203-6049)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Litovchenko, Dean of the Faculty of History and Philology, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; Chief Researcher, Department of History of Byzantium and Black Sea Region, Research Institute “Institute of History and Archaeology of Byzantium and Black Sea Region”, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia